

Сунь Цзинь кивнул, слушая его мягкий голос, и в душе не мог не восхититься.

Такой красавец, с приятным голосом и добрым сердцем — неудивительно, что не только мужчины, но даже он сам, юноша, не мог устоять!

Это было слишком болезненно!

Чэнь Цзю не понимал, почему Сунь Цзинь, казалось, стал ещё более расстроенным. Он хотел утешить его, но опасался, что Сунь Цзинь не хочет, чтобы другие знали, что он юноша, поэтому решил не говорить лишнего и просто спокойно ел.

Сунь Цзинь с детства считал себя мужчиной. С грубыми мужчинами он мог улыбаться и болтать без умолку, но перед изящными и нежными юношами всегда чувствовал себя неловко, боясь, что неосторожным движением или словом может их напугать, поэтому тоже старался не говорить лишнего.

Лишь изредка он не мог удержаться и бросал взгляд в сторону Чэнь Цзю, который, заметив это, тоже смотрел на него.

Затем они оба улыбались друг другу.

Чэнь Фу, увидев это, щипнул Чэнь Цзю за бок и шепотом сказал:

— Что ты уставился? Осторожно, как бы Чжао Чэнь не увидел!

Чэнь Цзю не знал, смеяться ему или плакать, но не мог рассказать Чэнь Фу, что Сунь Цзинь — юноша, поэтому просто опустил взгляд и молча продолжал есть.

Сунь Цзинь был прав — кулинарные навыки Гао Цзя действительно были неплохими.

Хотя он готовил не так хорошо, как Чжао Чэнь, блюда казались ему более вкусными, чем в Башне Золотого Изобилия.

Возможно, дело было в том, что еда в Башне Золотого Изобилия была слишком дорогой, и он всегда чувствовал, что ест чистые серебряные монеты, что лишало его аппетита.

После завтрака Сунь Цзинь, почувствовав себя лучше, не мог сидеть без дела, но Чжао Чэнь не дал ему никаких поручений, поэтому ему пришлось наблюдать за тем, как Чэнь Фу учит детей.

Учитель из маленькой глухой деревни, возможно, не обладал такими глубокими знаниями, как его прежний наставник, но зато был терпеливым, а преподаваемый материал был новым и интересным, так что слушать его было любопытно.

Чэнь Цзю тоже находил наблюдение за уроками Чэнь Фу занимательным, но, глядя на него, невольно вспоминал, как Чжао Чэнь учил его, и ему захотелось войти в пространство.

Однако сейчас Чжао Чэнь, вероятно, был занят, и вряд ли у него было время для него.

Чжао Чэнь действительно был занят. Вернувшись в хижину с соломенной крышей, он вынул из пространства подготовленные побеги батата и разместил их в сарае. Зная, что Чэнь Цзю завтракает у Ли У, он не стал готовить еду, а просто перекусил заготовленными в пространстве закусками, запивая их чаем.

Только что закончив есть, он увидел, что пришли Хэ с сыном.

Чжао Чэнь задал несколько вопросов и, узнав, что они наняли людей, оставил Хэ Даху сторожить дом, а сам с Хэ Шаньбао отправился на Хребет Белого Голубя.

На Хребте Белого Голубя уже собралось немало людей — мужчины, женщины и юноши, каждый с лопатой или мотыгой в руках, оживлённо обсуждая:

— Эй, как вы думаете, Хэ Шаньбао и Хэ Даху нас не обманывают? Кто будет платить столько серебра за работу?

— Вы не знаете, но Чжао-дурак теперь разбогател. Его наставник, живя в глуши много лет, нашёл множество лекарственных трав. Вчера доктор Шэнь специально привёз сюда больше десятка человек, чтобы их перевезти. Неизвестно, сколько серебра они выручили! Если старый врач уронит хоть немного из своей щедрости Чжао-дураку, тому хватит на безбедную жизнь!

— И не только! В прошлый раз доктор Шэнь тоже привёз сюда больше десятка ящиков. По слухам, там было полно серебра!

— Не может быть! Если бы у Чжао Чэня было столько серебра, зачем бы он оставался в нашей глуши? Уже давно бы купил дом где-нибудь подальше и жил бы в роскоши!

— Это же очевидно! Его наставник здесь, в наших горах. Если он уедет, как он будет учиться медицине и получать от наставника ещё больше?

— Ты прав. Но этот старый врач действительно щедр. Как думаете, если мы сами отправимся в горы, может, найдём что-нибудь...

— А ты думаешь, никто не пробовал? Разве ты не заметил, что Ван Течжу пропал последние дни? Услышав, что Чжао Чэнь нашёл в горах наставника-врача и получил много серебра, он отправился туда. Видишь, он вернулся? Возможно, его уже съели тигры или волки!

— Ах! Горы такие опасные?!

— Конечно! Я советую вам, молодым, не строить глупых планов. Что суждено, то будет, а что не суждено — не стоит насиловать судьбу. Если бы это мог найти каждый, разве бы это досталось Чжао-дураку?

Они замолчали, только когда Чжао Чэнь и Хэ Шаньбао подошли к ним, и все взгляды устремились на Чжао Чэня.

Чжао Чэнь, не дожидаясь вопросов, сразу заявил:

— Хотя вчера дядя Хэ и Даху уже рассказали о зарплатке, я повторю ещё раз.

Деревня, даже если она немаленькая, не могла похвастаться большим населением, и почти все заинтересованные жители собрались здесь — около пятидесяти человек. Чжао Чэнь немного повысил голос, чтобы все могли его услышать.

Он подробно рассказал о зарплате и ответил на вопросы, а затем, когда все утихло, жестом левой руки указал:

— Те, кто пришёл строить дом, встаньте сюда, а те, кто пришёл работать на земле, — в другую сторону.

Все быстро выполнили его указания.

Чжао Чэнь оглядел их и заметил, что около двадцати человек выбрали строительство дома, а остальные — работу на земле.

Работников на земле оказалось на несколько человек больше, чем планировалось, но это не было проблемой. Однако среди них было несколько детей лет десяти, что уже вызывало вопросы.

— Дети, выйдите вперёд. — Чжао Чэнь поманил их рукой.

Дети занервничали, переглянулись, но в конце концов вышли.

Один из родителей сказал:

— Чжао Чэнь, когда ты просил Хэ Шаньбао и Хэ Даху нанять людей, ты не сказал, что дети не могут работать. Теперь они пришли, ты не откажешься от них, правда?

Чжао Чэнь посмотрел на неё и холодно ответил:

— Я ещё ничего не сказал.

Женщина почувствовала себя неловко под его взглядом, запнулась, но больше не стала возражать.

Чжао Чэнь, дождавшись тишины, продолжил:

— У меня есть лёгкая работа, которую поручил наставник. Если у кого-то есть дети, их можно привести сюда. Утром учитель будет преподавать им грамоту, а после обеда они будут работать. Задача несложная, и если они выполнят норму, каждый месяц будут получать один лян серебра.

— Неужели такое возможно?

Все были поражены, широко раскрыв глаза.

— Верить или нет — ваше дело. Обдумайте и решите, хотите ли отправить сюда детей. — Чжао Чэнь спокойно сказал, затем, обращаясь к детям, которые смотрели на него с недоверием, спросил:

— Вы хотите пойти?

Они, конечно, хотели, но боялись, поэтому оглядывались на родителей.

Родители тоже не могли поверить, но Чжао Чэнь жил в этой деревне и вряд ли стал бы их обманывать, поэтому быстро кивнули, подталкивая детей согласиться.

Чжао Чэнь, глядя на это, невольно нахмурился, но затем расслабился.

Таковы были времена. У них были дома, родители и еда, что уже делало их счастливее, чем Ян Сюаня и других.

В итоге дети, естественно, согласились.

Некоторые взрослые спросили, не могут ли они тоже присоединиться.

Чжао Чэнь пока не мог позволить себе нанять столько людей, а его положение не позволяло ему действовать слишком открыто. Слишком быстрое развитие могло привести к проблемам.

Поэтому он покачал головой, а затем, видя разочарование в глазах людей, быстро добавил:

— Не волнуйтесь. Я купил эти двадцать му пустоши, чтобы посадить высокоурожайную культуру, которую дал мне наставник. Даже на такой пустоши, как эта, при должном уходе можно собрать четыре-пять тысяч цзиней с му. Если вам интересно, работайте усердно, и после того, как мы закончим посадку, если останутся побеги батата, они пойдут на продажу вместе с бататом. Батат стоит одну монету за два цзиня, а к двум цзиням добавляется связка побегов. Чем больше купите, тем больше получите.

— А какой вкус у батата, я позже приготовлю и принесу вам попробовать.

— Если вы посадите батат и у вас останется лишний, я куплю его по одной монете за цзинь, чтобы вы не остались в убытке.

Затем он предложил задавать вопросы, ответил на все и выделил один му для строительства дома, а остальные девятнадцать му разделил на пятьдесят семь участков, поручив работникам прополку и вспашку. Те, кто работал быстрее, получали больше.

При таком подходе никто не смел лениться, и все взялись за инструменты, стараясь изо всех сил.

Когда работники на земле были распределены, пришло время заняться строительством дома.

Они также разделили работу, и все быстро получили свои задачи.

Поскольку участок для строительства дома также был пустошью, прополку тоже разделили на части. Один му разделили на двадцать пять участков, каждый стоимостью три монеты, что было меньше, чем у тех, кто сажал батат, но принцип «больше работаешь — больше получаешь» оставался в силе.

И все сразу загорелись энтузиазмом.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16384/1483336>